

И. П. МЕДВЕДЕВ

К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ ВИЗАНТИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ НАКАНУНЕ ПАДЕНИЯ ИМПЕРИИ

Задача изучения византийской дипломатии была поставлена в исторической науке уже давно. Наиболее отчетливо она была сформулирована Ш. Дилем, который в кратком очерке попытался суммарно изложить ее наиболее характерные принципы¹. Но и до и после него различные авторы посвящали решению этой задачи ряд исследований, из которых нужно особо отметить до сих пор единственную по этому вопросу монографическую работу Н. Каломенопулоса и обстоятельный доклад Д. Оболенского на XII Международном конгрессе византинистов в Охриде, сопровождаемый имеющими принципиальное значение содокладами двух крупных специалистов в области византийской дипломатии и внешней политики — Д. Моравчика и Д. Закифиноса². Правда, все эти работы ограничиваются ранним периодом истории Византии. Например, Д. Оболенский, исходя из положения, что для создания обобщающего труда необходимы исследования, посвященные внешней политике империи в отдельных районах³, рассмотрел основные черты византийской дипломатии на материалах лишь одного из таких районов — северных рубежей империи (от Карпат до Кавказа), ограничив свою работу также и хронологически: как правило, она не выходит за пределы X в.

В данной статье сделана попытка ответить на некоторые вопросы, касающиеся основ византийской дипломатии последнего периода истории империи. Дело в том, что XIV и XV столетия, которые до сих пор все еще оставались темным периодом в истории Юго-Восточной Европы, начинают привлекать к себе пристальное внимание исследователей. Появилось несколько работ, посвященных международным отношениям Византии и сопредельных с нею стран в указанное время. Эти же вопросы были вынесены на обсуждение ряда международных конгрессов историков, и в частности византинистов. Обобщая данные частных исследований, с одной стороны, и анализируя дипломатическую практику византийского правительства в целом — с другой, представляется возможным устано-

¹ Ch. Diehl. Les grands problèmes de l'histoire byzantine. Paris, 1943, p. 120—139.

² N. Kalomenopoulos. Η διπλωματία τῆς Ἑλληνικῆς αὐτοκρατορίας τοῦ Βυζαντίου. Ἀθήναι, 1936; D. Obolensky. The Principles and Methods of Byzantine Diplomacy. — «Actes du XII-e Congrès International d'études byzantines. Ochride, 10—16 septembre 1961», t. I. Beograd, 1963, p. 45—61; Gy. Moravcsik, D. A. Zakynthinos (Rapports complémentaires). — Ibid., p. 301—319; см.: M. de Taube. L'apport de Byzance au développement du Droit international. — «Académie de Droit international. Recueil des Cours», 67, 1939, p. 233—339 (в частности, специальные главы о византийской дипломатии, о посольском и договорном праве в Византии и т. д.); G. Kolias. Βυζαντινὴ Διπλωματία. — «Πολιτικὴ Ἐπιθεώρησις», III, 1946, σελ. 59—68; L. Bréhier. Les institutions de l'empire byzantin. Paris, 1949, p. 281—323; P. Schmid. Die diplomatischen Beziehungen zwischen Konstantinopel und Kairo zu Beginn des 14. Jahrhunderts. Diss. München, 1956; см. также литературу, указанную в последующих сносках.

³ D. Obolensky. Op. cit., p. 45.

вить если не всю совокупность средств, при помощи которых византийское правительство решало сложные внешнеполитические задачи, то по крайней мере те общие принципы, которые лежали в основе его дипломатической деятельности.

Из всего комплекса проблем, стоявших перед Византией в последние века ее существования, наиболее острым был, разумеется, вопрос об ее отношении к Османской Порте, поскольку стремительный территориальный рост молодого турецкого государства сопровождался катастрофическим сокращением собственно византийской территории⁴. На Балканском полуострове империи принадлежали в XV в. лишь область от Босфора до Селимврии и Деркоса, Месемврия и Анхиал на Черном море, область св. Горы и города Фессалоники, несколько островов Эгейского моря и Морея⁵. Константинополь по существу оказался анклавом в центре Османской империи, отделив, таким образом, азиатские владения турок от европейских. Упразднить это, по выражению Г. А. Острогорского, чужеродное тело и дать становящейся Османской империи надежный государственный центр в Константинополе было главной целью султанов⁶. Территориальный вопрос был тесно связан с проблемой политической независимости. Уже знаменитая битва при Марице (26 сентября 1371 г.) положила конец независимости Византии и низвела ее до ранга вассального государства и данника Османской империи⁷. По соглашению 1379 г. Мануил Палеолог (очевидно, будучи еще соправителем Иоанна V) должен был ежегодно являться в Порту с условленной данью в 30 тыс. золотых монет и вспомогательным войском в количестве 12 тыс. человек⁸. Правда, после восхождения на турецкий трон Мурада II (1422) размер дани уменьшился до 300 тыс. аспров, что составляет, по исчислениям Илиеску, 62,5% от первоначальной суммы⁹. Все эти уступки императору султану, а также размещение турецких гарнизонов на византийской территории, допуск кади, срытие городских укреплений¹⁰ означали серьезное ограничение территориального верховенства византийского государства. Разумеется, единственным средством оградить империю от окончательного захвата в данных условиях была византийская дипломатия со всем ее прославленным искусством и многовековой традицией.

Дипломатическая практика Византии в рассматриваемый период (от царствования Мануила II, 1391—1425, до падения империи) была чрезвычайно богатой, связанной со всеми крупными международными центрами того времени от Португалии до Сирии, от Лондона и Москвы до Каира. В документах архивов Рима, Венеции, Неаполя, Парижа, Флоренции, Дубровника, Модены, в византийских и западноевропейских

⁴ Помимо классических трудов Иречека, Кречмайера, Цинкайзена, Йорги, этапы турецкой экспансии прослежены в таких новейших работах, как: *P. Wittek. The Rise of the Ottoman Empire.* London, 1938; *F. Babinger. Mehmed der Eroberer und seine Zeit. Weltenstürmer einer Zeitenwende.* München, 1953; *E. Werner. Die Geburt einer Großmacht — die Osmanen.* Berlin, 1966. См. также: *F. Constantiniu. Aspecte ale expansiunii imperiului otoman în veacurile XIV—XVI în lumina unor lucrări noi.* — «*Studii*», 3, 1960, p. 197—208; *H. Inalcik. Mehmed the Conqueror (1432—1481) and His Time.* — «*Speculum*», XXXV (3), 1960, p. 408—427.

⁵ О более точных границах империи и их частых изменениях см.: *A. Bakalopoulos. Les limites de l'empire byzantin depuis la fin du XIVe siècle jusqu'à sa chute (1453).* — *BZ*, 55, 1962, p. 56—65.

⁶ *G. Ostrogorsky. Geschichte des byzantinischen Staates.* München, 1965, S. 497.

⁷ *G. Ostrogorski. Byzance, Etat tributaire de l'Empire turc.* — ЗРВИ, кн. 5, 1958, p. 49—51.

⁸ *Ibid.*, p. 51—52.

⁹ *O. Iliescu. Le montant du tribut payé par Byzance à l'empire Ottoman en 1379 et 1424.* — *RESEE*, IX, 1971, N 3, p. 427—432; *F. Dölger. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches*, 5. Teil. München und Berlin, 1965, n. 3414.

¹⁰ *F. Dölger. Op. cit.*, n. 3264; *M. Silberschmidt. Das orientalische Problem zur Zeit der Entstehung des türkischen Reiches nach venezianischen Quellen.* Leipzig und Berlin, 1923, S. 68.

хрониках и русских летописях сохранились имена византийских дипломатов Мануила и Георгия Филантропинов, Феодора и Мануила Кантакузинов, Алексея Враны, Константина Ралли, Алексея, Мануила, Георгия и Иоанна Дисипатов, Иоанна Мосхопула, Мануила и Иоанна Хрисолоров, Николая и Андроника Евдемоноиоаннов, Павла Софиана, Димитрия Ласкаря Леондариса, Иоанна Владинтера, Георгия Сфрандзи, Андроника Вриенния Леондариса, Мануила, Андроника и Марка Ягарисов, Николая Франгопула, Макария Куруна, Димитрия Ангела Клида, Димитрия Палеолога Метохита и др. В источниках упоминаются целые династии дипломатов (как, например, Дисипатов, Филантропинов, Хрисолоров, Ягарисов и т. д.), в которых сыновья рано начали приобщаться к искусству ведения переговоров, принимая участие в посольских миссиях вместе с отцами¹¹. Интересно отметить свидетельство Никифора Григоры, который, описывая в письме к Андронику Зариду византийское посольство к сербскому кралю Стефану в 1325—1326 г., подчеркивает, что члены его являются «людьми, уже давно облеченными этими полномочиями и пожилыми»¹². По мнению Рейбо, в данном случае речь идет уже о послах-профессионалах¹³. Основной функцией всех вышеперечисленных дипломатов, принадлежавших, как правило, к крупной феодальной знати и занимавших высшие должности чиновной иерархии (прото-вестиарии, великие стратопедархи, императорские грамматики, великие протосинкеллы и т. д.)¹⁴, было представительство византийского правительства за границей, т. е. отправление посольских функций. Но были ли они профессионалами в нашем понимании, остается вопросом. Киррис считает, что в обычае византийцев было посылать в качестве послов образованных людей, а не профессиональных дипломатов (διπλωμάτας τῆς χαρριέρας)¹⁵. К этому следует добавить, что в византийской государственной системе отсутствовал единый центральный орган, который бы по своим функциям соответствовал современному министерству иностранных дел. Отправка послов за границу и прием иностранных послов находились в ведении различных служб. В частности, отправкой послов за границу ведал логофет дрома, которого в XIV в. сменил великий логофет¹⁶.

По-видимому, Византия так и не узнала постоянного представительства за границей, и все эти послы (ἀποκρισιάρχοι, πρέσβεις, ambassiatores) отправлялись для исполнения определенных миссий и на строго определенный срок¹⁷. Тем не менее при снаряжении такого посольства (как

¹¹ См., например, состав посольства на Констанцский собор в 1416 г.: *F. Dölger. Op. cit.*, п. 3355.

¹² *R. Guiland. Correspondance de Nicéphore Grégoras. Paris, 1927, p. 33.* Интересно, что в перечне качеств, которыми, согласно официальному руководству, должен был обладать посол (честность, благочестивость, неподкупность, готовность пожертвовать собой ради интересов родины), возраст не указывается; см. *L. Dindorf. Historici Graeci Minores, I. Lipsiae, 1870, p. 7*; ср. *L. Bréhier. Op. cit.*, p. 306—307.

¹³ *L.-P. Raybaud. Le gouvernement et l'administration centrale de l'Empire Byzantin sous les premiers Paléologues (1258—1354). Paris, 1968, p. 222.*

¹⁴ *F. Dölger. Op. cit.*, п. 3428, 3431, 3432, 3436, 3437, 3470 и др.

¹⁵ *K. P. Kyrris. Αἱ γλῶσσαι τῆς βυζαντινῆς διπλωματίας ἀπὸ τῶν ἀρχῶν μέχρι τῆς Δ' Σταυροφορίας. — «Στασιόν», I, 1963, σελ. 107 со ссылкой на G. T. Kolias. Léon Choerosphactès. Athènes, 1939, p. 28, n. 3*; ср. *L. Bréhier. Op. cit.*, p. 304—305.

¹⁶ *L. Bréhier. Op. cit.*, p. 300—303. О должности логофета в Византии см.: *E. Stein. Untersuchungen zur spätbyzantinischen Verfassungs- und Wirtschaftsgeschichte. — «Mitteilungen zur osmanischen Geschichte», II, 1924, S. 34—37, 39—41*; *F. Dölger. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung («Byzantinisches Archiv», 9). München, 1927, S. 23*; *Ch. Diehl. Un haut fonctionnaire byzantin, le logothète τῶν σεκρέτων. — «Mélanges à N. Jorga», 1933, p. 217—227*; *D. A. Miller. The Logothete of the Drome in Middle Byzantine Period. — Byz., 36, 1966, p. 438—470*; *R. Guiland. Les logothètes. — REB, 29, 1971, p. 37—38.*

¹⁷ Так, Иоанн VIII наказал своих послов за то, что они задержались при исполнении миссии и прибыли в столицу с опозданием (*F. Dölger. Regesten, n. 3470*), а Мануил II Палеолог, отправив к королю Фердинанду I Арагонскому посла, просит короля выслушать его и побыстрее отправить обратно (*ibid.*, п. 3357). Следует заметить,

правило, состоявшего из трех человек)¹⁸ можно видеть уже все компоненты современного аккредитования: посол получает верительные грамоты (*Litterae credulitatis*), содержащие указание цели миссии, имя и официальное звание посылаемого лица, и полномочия (*plenum procuratorium seu mandatum*)¹⁹, причем наделение подобными полномочиями одного посла автоматически влекло за собой отмену полномочий, ранее данных другому послу²⁰. Помимо этих официальных документов, послам давались подробные инструкции (*ἑγγράφοι ὄρισμοί, προσταγmata, commissariae litterae, instrucciones*, как называют их источники²¹) с указанием, как нужно поступить в том или ином случае. По-видимому, посол не имел права переступить за рамки предписаний, но только должен был «лучше разъяснять написанное», как было сказано в одном императорском документе Иоанна VIII²².

Круг вопросов, которые приходилось решать византийской дипломатии в этот период, был, несмотря на обилие дипломатических связей с зарубежными странами, довольно ограниченным. Из 245 внешнеполитических актов византийского правительства (от Мануила II Палеолога до Константина XI), описанных в источниках и зафиксированных в «Регестах» Ф. Дэльгера (сообщаемые историками и хронистами сведения о различных посольствах, а также подлинные документы официального характера: послания — *Litterae, Litterae patentes, βασιλικαὶ γράφαί, Ἀνεψηγμένα γράφαί, scripta, Litterae et bullae plumbeae*; жалованные грамоты — *Χρυσόβουλλοι, λόγοι, Γράμματα*; периодически возобновлявшиеся торговые договоры с Венецией — *Τρέβαι, συνθήκαι, συμφωνία, συμβόλαιον, στοίχημα*; и др.)²³ по крайней мере 80 имели своей непосредственной целью добиться от различных государств в той или иной форме помощи против турецкой угрозы. Если к этому присовокупить около 50 внешнеполитических актов, относящихся к созыву униатского собора и заключению уний,

что это время уже знает такое понятие, как резидент-посол. Например, Квеллер показал, что именно таким постоянным послом был венецианский *bafulus*: *D. E. Queller. Early Venetian Legislation on Ambassadors. Genève, 1966* («Travaux d'Humanisme et Renaissance», LXXXVIII), p. 31, note 100. Об эволюции должности посла в эпоху средневековья см.: *D. E. Queller. The Office of Ambassador in the Middle Ages. Princeton, New Jersey, 1967*.

¹⁸ Рейбо различает монокефальные, бикефальные и плюральные типы посольств в соответствии с числом послов, причем он подчеркивает, что именно бикефальные (т. е. состоящие из двух человек) посольства были наиболее частыми, превратившись в своего рода «принцип», из которого делались многочисленные исключения; см.: *L.-P. Raybaud. Op. cit.*, p. 215, 222, 225. Нам кажется, что если бы в его книге был использован V том «Регест» Дэльгера, то он вряд ли пришел бы к таким выводам. Интересно также отметить, что в источниках этого времени не упоминается участие переводчиков в составе посольств, хотя при подписании венецианско-византийских договоров в Константинополе часто присутствует *μέγας διερμηνεύτης*: *F. Dölger. Regesten*, n. 2891 (с ошибочной нумерацией 2791), 3373, 3408, 3433, 3516. Известно, что в ранней Византии, когда знание нескольких языков было еще само собой разумеющейся вещью, слова «дипломат» и «переводчик» были синонимами (Киррис отмечает *τὴν σύντασιν διπλωμάτου καὶ διερμηνεύως*). Позднее образовалась особая специальность переводчика. См.: *K. P. Kyrris. Op. cit.*, σελ. 112. По-видимому, в поздневизантийское время услуги специального переводчика снова оказались излишними.

¹⁹ *F. Dölger. Regesten*, n. 3396, 3355 и др. О документах этого типа и их составе см.: *F. Dölger — J. Karayannopoulos. Byzantinische Urkundenlehre. Erster Abschnitt: Die Kaiserurkunden. München, 1968, S. 105—107*.

²⁰ Так, назначение Мануила Хрисолора полномочным представителем императора на Западе привело к отмене полномочий, ранее данных Константину Ралли и Алексею Дисипату (*F. Dölger. Regesten*, n. 3317, 3319).

²¹ *F. Dölger. Regesten*, n. 3437, 3450, 3465.

²² *Ibid.*, n. 3406. О византийских послаx см. также: *C. Marinescu. Notes sur quelques ambassadeurs byzantins en Occident à la veille de la chute de Constantinople sous les Turcs. — «Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves», 10, 1950, p. 419—428*.

²³ О документах внешней политики, исходивших из императорской канцелярии, их составе и дипломатических особенностях см.: *F. Dölger. — J. Karayannopoulos. Op. cit.*, S. 89—108.

конечной целью которых с точки зрения греков было также получение от латинского Запада помощи против турок, и 35 упоминаний о посольствах к турецкому султану для урегулирования отношений, то можно еще раз убедиться в том, что турецкий вопрос определял всю дипломатическую деятельность византийского государства. Формы и размеры помощи, запрашиваемой византийцами, зависели от того, к какому государству они обращались. Наибольшие надежды возлагались, как об этом говорится в одном патриаршем документе, адресованном митрополиту Киевскому и великому князю всея Руси и другим князьям, на естественного союзника Византии — христианскую Европу: ἐλπίζομεν μὲν καὶ ἀπὸ τῶν μερῶν ἐκείνων (sc. ἀπὸ τῶν μερῶν τῆς Φραγγίας) πολλὰ καὶ μεγάλα ²⁴. От русских ждут только ἐλεημοσύνην ²⁵, милостыню, причем под словом «милостыня» всякий раз понималась денежная поддержка — единственная помощь, которую Византия получала из далекой Москвы ²⁶. Разумеется, с подобными просьбами о финансовой помощи или о помощи продовольствием для Константинополя Палеологи постоянно обращались и к западноевропейским державам ²⁷. Нередко византийские императоры заключали локальные коалиции против турок: тайный союз (Συμβάσεις, ὄροι φρικτοί, по терминологии хрониста) против Баязида I, заключенный Мануилом II и деспотом Феодором I Палеологами с Константином Драгашем и позднее сербским деспотом Стефаном Лазаревичем и скрепленный женитьбой Мануила II на дочери Константина Драгаша ²⁸; планы тайной антитурецкой лиги, в которую византийские дипломаты упорно стремились вовлечь Венецию ²⁹; попытка создать довольно широкую коалицию, состоящую «не только из христианских князей и народов, но и Карамана, правителя Восточной Анатолии, а также сыновей Караулук», о чем говорится в послании Иоанна VIII королю польскому и венгерскому от 30 июля 1444 г. ³⁰, и т. д. Но главная цель византийской дипломатии состояла в том, чтобы поднять весь католический Запад на «священную войну», на крестовый поход против мусульманского Востока ³¹. Чтобы преодолеть

²⁴ F. Miklosich — J. Müller. Acta et diplomata graeca medii aevi, II. Vindobonae, 1862, p. 360.

²⁵ Ibidem.

²⁶ М. Н. Тихомиров. Россия и Византия в XIV—XV столетиях. — ЗРВИ, кн. 7, 1961, стр. 34; Д. Ангелов. История на Византия, III. София, 1967, стр. 112. Отсутствие прочных связей Византии с Русью по государственной линии Фэри фон Лилиенфельд объясняет тем, что русские князья вообще никогда тесно не были связаны с «семьей королей» (die Familie der Könige, см. об этом ниже), которые толпились вокруг византийского императора как главы христианской orbis terrarum. Тем более это характерно для XIV и XV вв., полагает исследовательница, когда «перемещение центра тяжести русской экономической жизни на север и сохранение политических интересов России в отношении соперничающих между собой столиц феодальных удельных княжеств Центральной России проложило зону торговой, экономическо-политической и военной незначительности (Bedeutungslosigkeit) между географическими пространствами, в которых пульсировала политическая, экономическая, общественная и культурная жизнь обоих государств». См.: Fairy von Lilienfeld. Russland und Byzanz im 14. und 15. Jahrhundert. — Thirteenth International Congress of Byzantine Studies. Supplementary Papers, Summaries. Oxford, 1966, p. 25.

²⁷ F. Dölger. Regesten, n. 3248, 3291, 3297, 3302, 3335, 3347, 3551.

²⁸ Georgios Sphrantzes. Memorii 1401—1477, ed. V. Grecu. Bucureşti, 1966, p. 198; F. Dölger. Regesten, n. 3237. Следует отметить, что matrimonialная политика уже давно стала одним из основных приемов византийской дипломатии. Мезальянсы императоров с чужеземными принцессами, которые решительно осуждал Константин Багрянородный, но которые утвердились при Комнинах, стали обычными в последний период византийской истории. См., например: I. A. Papadrianos. The Marriage-Arrangement between Constantin XI Paleologus and the Serbian Mara. — «Balkan Studies», 6, 1965, p. 132—138.

²⁹ F. Dölger. Regesten, n. 3256, 3367; F. Thiriet. Régestes des délibérations du sénat de Venise concernant la Romanie, I. Paris, 1958, n. 892; II. Paris, 1959, n. 1635.

³⁰ F. Dölger. Regesten, n. 3507 (с указанием источников и литературы вопроса).

³¹ В исторической литературе широко распространено мнение о плане так называемой «православной крузады», который якобы вынашивало византийское правительство в середине XIV в. и основой которого должен был стать международный

эгоцентричность Запада, занятого, по выражению И. Мадурека, своими «домашними делами», раздираемого «внутренними распрями, религиозными разногласиями, беспредельным религиозным утилитаризмом и эгоизмом»³², предпринимаются такие чрезвычайные дипломатические акции, означавшие серьезный разрыв с римскими традициями, как личные посещения западных дворов византийскими императорами (в 1366 и 1369 гг. — Иоанном V³³, в 1391 г. — Иоанном VII³⁴, в 1399—1403 гг. — Мануилом II³⁵, в 1423 и 1437 гг. — Иоанном VIII³⁶). Западноевропейским правителям настойчиво внушается мысль об «опасности для всего христианского мира в случае захвата Константинополя»³⁷, этого «оплота и бастиона христианства на Востоке» (in Oriente Christianorum arcis et munimenti)³⁸. Императоры предлагают свое посредничество в разногласиях между Венецией и Генуей, между Венецией и венгерским королем Сигизмундом, чтобы побудить их «как добрых христиан сообща прийти на помощь императору против турок»³⁹. Щедро раздавая королям и папской курии те подарки, на которые еще была способна Византия (многочисленные святые мощи, богато украшенные рукописи⁴⁰), они всеми силами старались пробудить на Западе интерес к событиям на Босфоре.

* * *

Изучая византийские документы внешнеполитического характера, и в частности договорные документы, Дэльгер и Караяннопулос пришли к очень интересным выводам. Они установили, что если раньше, до Ним-

исизм. См., например: *L. Bréhier. Vie et mort de Byzance.* Paris, 1947, p. 456; *D. A. Zakynthinos. 1) Démétrios Cydonès et l'entente balkanique au XIVe siècle.* — «La Grèce et les Balkans». Athènes, 1947, p. 44—56; 2) Crise monétaire et crise économique à Byzance du XIIIe au XVe siècle. Athènes, 1948, p. 127—128; *E. Stănescu. Autour d'une lettre de Démétrios Kydonès expédiée en Valachie.* — «Revue des études sud-est européennes», VII, 1969, N 1, p. 221—230. Факты, собранные этими исследователями, заслуживают самого пристального внимания, хотя уже сейчас, как нам кажется, можно сказать, что о «крестоносном» характере этого движения говорить было бы ошибочно. Речь шла, по-видимому, о создании обширной оборонительной лиги, но никак не о «кружаде».

³² *И. Мадурек.* Турецкая опасность и Средняя Европа накануне и во время падения Константинополя. — BS, XIV, 1953, стр. 135.

³³ *O. Halecki.* Un empereur de Byzance à Rome. Vingt ans de travail pour l'union des églises et pour la défense de l'empire d'Orient 1355—1375. — «Travaux historiques de la Société des sciences et des lettres de Varsovie», VIII. Varsovie, 1930; *A. A. Vasilev.* Il viaggio dell'imperatore bizantino Giovanni V Paleologo in Italia (1369—1371) e l'unione di Roma del 1369. — «Studi bizantini e neoellenici», III, 1931, p. 153—193; *R.-J. Loenertz.* Jean V Paléologue à Venise. — REB, 16, 1958.

³⁴ *J. W. Barker.* John VII in Genoa: A Problem in Late Byzantine Source Confusion. — Or Chr Per, 28, 1962, p. 213—238.

³⁵ *M. M. Jugie.* Le voyage de l'empereur Manuel Paléologue en Occident. — «Echos d'Orient», 15 (1912), p. 322—332; *A. A. Васильев.* Путешествие византийского императора Мануила II Палеолога по Западной Европе. — ЖМНП, 1912, ноябрь—декабрь, стр. 41—78; 260—304; *A. Monferratos.* Διπλωματικά ἐνέργεια Μαυροῦλ Β' τοῦ Παλαιολόγου ἐν Ἐβρώπη καὶ Ἀσία. Ἐν Ἀθήναις, 1913; *G. Schlumberger.* Un empereur de Byzance à Paris et à Londres. Paris, 1916.

³⁶ *Дь. Моравчик.* Византийские императоры и их послы в г. Буда. — «Acta historica Academiae scientiarum hungaricae», 8, 1961, стр. 239—256; *J. Gill.* The Council of Florence. Cambridge, 1959, p. 85—130; *G. Ostrogorsky.* Geschichte des Byzantinischen Staates, S. 492.

³⁷ *F. Dölger.* Regesten, n. 3269.

³⁸ *Ibid.*, n. 3495; *C. Baronius.* *O. Raynaldus et J. Laderchius.* Annales ecclesiastici denuo excusi et ad nostra usque tempora perducti ab A. Theiner, XXVIII. Barri—Ducis, anno 1443, p. 402.

³⁹ *F. Dölger.* Regesten, n. 3315.

⁴⁰ *Ibid.*, n. 3281, 3282, 3284, 3285, 3290, 3317, 3319. См. также: *G. T. Dennis.* Two Unknown Documents of Manuel II Palaeologus. — «Travaux et mémoires», III, 1968, p. 396—404, pl. I—II (речь идет о двух Litterae patentes Мануила II с дарениями священных реликвий Маргарите, королеве Дании, Швеции и Норвегии, и папе Бонифацию IX).

фейского договора в 1261 г., договорные документы облекались в форму жалованной грамоты — Хрисовула Логоса, выражая политическую доктрину византийцев, согласно которой договор был привилегией, актом милости, оказываемой императором иноземному правителю ⁴¹, то начиная с XIII в. договорные документы полностью утрачивают черты жалованной грамоты. По мнению авторов, эта перемена показывает, что Византия была вынуждена перед лицом суровой действительности ограничить свои притязания в сфере международной жизни. «Это уже не гордый византийский император, снисходящий до пожалования привилегий своим «слугам», а правитель государства, который ведет переговоры с другими, равными по рангу властителями» ⁴². Представление о том, что Византия в последние десятилетия своего существования отказалась от идеи универсальной империи, широко распространено в новейшей литературе ⁴³, однако есть исследователи, которые сомневаются в этом ⁴⁴. Нас в данном случае интересуют судьбы той политической доктрины, согласно которой византийский император был главой, «отцом» так называемой «семьи королей и народов» и идеологическая пропаганда которой была в свое время одним из основных инструментов византийской дипломатии ⁴⁵.

Как известно, по принятому в то время титулатурному обычаю место каждого государя в иерархической градации всех князей мира по отношению к византийскому императору определялось терминами φίλος, ἀδελφός, τέκνον (или υἱός, что в поздний период византийской истории встречается гораздо чаще). Причем, как это показал Дэльгер, в обращении византийского императора к чужеземному государю эти термины были не простой метафорой, но определенным титулом, который давался на основе императорского пожалования ⁴⁶. Поэтому употребление подобной терминологии византийскими императорами в рассматриваемый нами период может многое объяснить, и в частности — отношение, которое существовало между византийским императором и турецким султаном, хотя вышеупомянутые термины употреблялись и в обращениях к западноевропейским государям ⁴⁷. М. Зильбершмидт утверждает, что отношение турецкого султана к византийскому императору было отношением могу-

⁴¹ F. Dölger—J. Karayannopoulos. Op. cit., S. 95.

⁴² Ibid., S. 99—100.

⁴³ См. например: D. A. Zakythinos. Le despotat grec de Morée, vol. II. Athènes, 1953, p. 350; K. Lechner. Hellenen und Barbaren im Weltbild der Byzantiner. München, 1955, S. 66 f.; H. Ditten. Βάρβαροι, Ἕλληνας und Ῥωμαῖοι bei den letzten byzantinischen Geschichtsschreibern. — «XIIe Congrès International des Études Byzantines. Ochride, 1961. Résumés des communications». Belgrade—Ochride, 1961, p. 28—29; A. E. Vacalopoulos. Origins of the Greek Nation, 1204—1461. New Brunswick, New Jersey, 1970, p. 27 sq.

⁴⁴ H.-G. Beck. Reichsidee und nationale Politik im späbyzantinische Staat. — BZ, 53, 1960, S. 86—95.

⁴⁵ О византийском государственном праве см. также: Г. Острогорски. Автократор и самодержац. — «Глас САН», II разред, 84, 1935, стр. 99; G. Ostrogorsky. Die byzantinische Staatenhierarchie. — «Seminarium Kondakovianum», VIII, 1936, S. 41—61; A. Grabar. L'empereur dans l'art byzantin. Paris, 1936, p. 16 sq.; G. Ostrogorsky. Bemerkungen zum byzantinischen Staatsrecht der Komnenzeit. — «Südost-Forschungen», 8, 1943, S. 267; основная монография: O. Treitinger. Die oströmische Kaiser- und Reichsidee nach ihrer Gestaltung im höfischer Zeremoniell. Jena, 1938 (Neudruck: Darmstadt, 1956); H. Hunger. Prooimion. Elemente der byzantinischen Kaiseridee in den Arengen der Urkunden. Wien, 1964; *idem*. Reich der neuen Mitte. Der christliche Geist der byzantinischen Kultur. Graz—Wien—Köln, 1965, S. 61—108; И. П. Медведев. Империя и суверенитет в средние века (на примере истории Византии и некоторых сопредельных с нею стран). — В кн.: «Проблемы истории международных отношений» (сборник статей памяти академика Е. В. Тарле). Л., 1972, стр. 412—424.

⁴⁶ F. Dölger. Die «Familie der Könige» im Mittelalter. — In: «Byzanz und die europäische Staatenwelt». Darmstadt, 1964, S. 39, Anm. 8.

⁴⁷ Так, например, титул императорского «брата» (frater) по-прежнему получают в дипломатических актах короли Франции (F. Dölger. Regesten, n. 3269).

щественного майордома (Hausmeier) к законному властителю⁴⁸. Действительно, с точки зрения византийского государственного права, земли, занятые турками и фактически ставшие территориальной основой Османской империи, были вечным и неотчуждаемым владением Византийской империи, а сами турки — варварами, подобно печенегам, аланам или аварам, которые могли сдерживаться средствами дипломатии и боевая сила которых могла использоваться в интересах империи⁴⁹. Соответственно этому регулировались и отношения между византийским императором и турецким султаном. Уже Иоанн Кантакузин (1347—1354), использовавший турок как противовес против генуэзцев и для усиления своей позиции внутри государства и возведший союз с турками в основной принцип своей политики⁵⁰, писал, что турецкий эмир из друга превратился в его слугу (... οὐκ ἐστὶ φίλος εἶναι βασιλέως ἀλλὰ δοῦλος)⁵¹. Это признавали и противники Кантакузина. По словам Никифора Григоры, эмир был связан глубочайшей дружбой с Кантакузином и добровольно (αὐθαίρετον) обещал ему, что «в течение всей своей жизни ему и его детям-наследникам будет служить и сохранять с ними дружбу»⁵². При встрече с императором эмир сошел с лошади и пал ниц, а затем пеший приблизился к нему (... τοῦ ἵππου ἀποβάς ὁ Ἀμοῦρ, προσεκύνη τε τὸν βασιλέα καὶ ἐβράδιζε πρὸς αὐτὸν πεζός)⁵³.

В лице турецкого султана Баязида I (1389—1402) византийские императоры впервые столкнулись с «майордомом», который не удовлетворялся фактическим господством, но, по выражению М. Зильбершмидта, протянул руку к византийской императорской короне⁵⁴. Однако глубокая метаморфоза, происшедшая в восточном Средиземноморье в результате Ангорской битвы (28 июля 1402 г.), снова дала византийским императорам возможность осуществления своих прав в отношении турецких властителей. По словам Дуки, турецкий султан Сулейман (у Дуки — Μουσοῦλμάν) после Ангорской битвы прибыл в Константинополь, бросился в ноги императору и стал умолять его: «Я буду тебе сыном, будь же и ты моим отцом (Ἐγὼ ἔσομαι σοι εἰς υἱόν, σὺ δὲ πατήρ ἐμὸς ἔσῃ). Отныне да не растет между нами сорная трава, и да не будет интриг, провозгласи лишь меня правителем Фракии»⁵⁵. По договору 1403 г. императору были возвращены города на побережье Черного и Мраморного морей; Фессалоника с соседним районом. Уплата византийской дани турецкому султану прекратилась⁵⁶.

После того как между сыновьями Баязида разгорелась междоусобная война и Сулейман пал в этой борьбе (1411), византийский император, видя непримиримую враждебность (ἄσπονδον ἔχθραν) к себе одного из этих сыновей Баязида (Мусы), отправил к его брату Мухаммеду в Брюссу посольство с уведомлением, что, в случае если тот проиграет войну против Мусы, император примет его в своей столице; если же он выиграет войну, то «мы желаем, — говорит император, — чтобы ты стал правителем

⁴⁸ M. Silberschmidt. Op. cit., S. 68.

⁴⁹ E. Werner. Op. cit., S. 117.

⁵⁰ Ibid., S. 119—120.

⁵¹ Ioannis Cantacuzeni imperatoris historiarum libri IV, II. Bonnae, 1831, p. 398; Cp. E. Werner. Op. cit., S. 120.

⁵² Nicephori Gregorae Byzantina Historia, II. Bonnae, 1830, p. 597; cp. E. Werner. Op. cit., S. 120.

⁵³ Ioannis Cantacuzeni . . . historiarum libri IV, II, p. 393; cp. E. Werner. Op. cit., S. 120.

⁵⁴ M. Silberschmidt. Op. cit., S. 68.

⁵⁵ Ducas. Istoria turco-bizantină (1341—1462), ed. V. Grecu. București, 1958, XVIII, 2.

⁵⁶ Ibidem; cp. G. Ostrogorski. Byzance, Etat tributaire de l'Empire turc, p. 53. О византийско-турецком договоре 1403 г. см. подробнее: G. T. Dennis. The Byzantine-Turkish Treaty of 1403. — OrChrPer, 33, 1967, p. 72—88.

и моим сыном (τῆς ἡγεμονίας ἐγκρατῆς γενήσῃ, καὶ ὡς ἐμὸς υἱὸς ἔσῃ)»⁵⁷. Соответственно Мухаммед I, уже став султаном, также обращается к императору Мануилу со словами: *πάτερ ἄγιε*⁵⁸. Узнав о воцарении Мухаммеда, император Мануил отправил к нему (после 5 июля 1413 г.) посольство (*ἀποκριταρίου εὐγενεστέρους τῶν ἀρχόντων*) с напоминанием о том, чтобы султан сделал обещанные во время своего пребывания в Константинополе уступки⁵⁹. «С радостью» приняв послов, Мухаммед I заключил клятвенный союз (*συνθήκας ἐνόρκους*) и отдал императору все города на фракийском побережье Черного моря, а также деревни и города, расположенные в Фессалии, и города в Пропонтиде⁶⁰. Чрезвычайно характерны слова, которыми султан проводил послов императора: «Отныне я есть и буду подданный его (императора) как сын по отношению к отцу (Ἐὰν τὸ τοῦ υἱὸν δὲ εἰμι καὶ ἔσομαι ὑπήκοος αὐτῷ ὡς υἱὸς πρὸς πατέρα)»⁶¹. Итак, *ὑπήκοος* — синоним *υἱὸς πρὸς πατέρα!*

Разумеется, византийские императоры были далеки от идеализации своих отношений с турецкими султанами. Их дипломаты зорко следили за тем, что делалось в Османской Порте, регулярно посещали двор султана, завязывали полезные связи, постоянно сеяли вражду между многочисленными претендентами на турецкий престол. Послы Мануила II, отправленные в конце 1409 г. в Венецию, указывали на «представившийся случай посорить обоих султанов (Сулеймана и Мухаммеда) и спасти тем самым империю», для чего они просили о поставке 8 галер, которые должны были соединиться с 2 греческими судами и преградить проезд между Европой и Азией⁶². В послании императора Иоанна VIII в Венецию от февраля — марта 1430 г. также указывается на то, что «лучшее средство для защиты от османов — это посорить их между собой»⁶³. Любопытно отметить также, что еще раньше, перед отъездом Мануила II в западные страны, было отправлено посольство к Тимур-Ленку, чтобы подстрекать его против Баязида I⁶⁴. С этой же целью императоры охотно принимали неудачных претендентов, изгнанных турецкими князьями, чтобы в нужный момент выставить своего кандидата на освободившийся турецкий престол или выдвинуть опасного соперника. Осенью 1416 г. к султану Мухаммеду I было отправлено послание, в котором император отказывался выдать брата султана, Мустафу, и его свиту, которые бежали в Фессалонику⁶⁵. «Я, как ты хорошо знаешь, — говорит император, — обещал, что буду отцом тебе, ты же — сыном мне. И если мы оба сохраним обещания — тут тебе и страх божий, и соблюдение заповедей. Если же уклонимся от них — вот уже и отец окажется предателем сына и сын будет называться убийцей отца. Я-то сохранию клятвы, а вот ты не желаешь сохранить их. Пусть карающий несправедливого бог будет справедливым судьей. Относительно же беглецов нельзя ни говорить, ни ушами слышать о передаче их в твои руки, ибо не царское это дело, но тираническое»⁶⁶. Широко применялась система воспитания сыновей султанов при константинопольском дворе. Разумеется, со стороны византийцев прилагались все силы к тому, чтобы воспитать их в духе преданности империи

⁵⁷ *Ducas*, XIX, 10; *F. Dölger*. Regesten, n. 3331.

⁵⁸ *Ducas*, XIX, 12.

⁵⁹ *Ibid.*, XX, 1; *F. Dölger*. Regesten, n. 3334.

⁶⁰ *Ducas*, XX, 1.

⁶¹ *Ibidem*.

⁶² *F. Dölger*. Regesten, n. 3327; *F. Thiriet*. Op. cit., II, n. 1362. Ответ сеньории от 10 января 1410 г. был типичным для венецианской дипломатии: идея хороша, но венецианцы ничего не смогут сделать одни. Пусть император обратится к князьям Запада. Если они вмешаются, Венеция выполнит свой долг (*F. Thiriet*, loc. cit.).

⁶³ *F. Dölger*. Regesten, n. 3426; *F. Thiriet*. Op. cit., II, n. 22092.

⁶⁴ *F. Dölger*. Regesten, n. 3278.

⁶⁵ *Ibid.*, n. 3361.

⁶⁶ *Ducas*, XXII, 5.

и одновременно использовать в качестве заложников. Первая же попытка нового султана Мурада II (1421—1451) упразднить этот институт вызвала резкий дипломатический конфликт. Примерно в июне 1421 г. к Мураду II в Бруссу было отправлено посольство в составе Палеолога Лахана и Теолога Коракса, с тем чтобы утешить султана в связи со смертью его отца, поздравить его с вступлением на престол и потребовать, чтобы султан отдал младших детей Мухаммеда императору, которого Мухаммед в своем завещании назначил опекуном⁶⁷. «Если же он не отдаст и не пожелает следовать древнему закону, установленному предками (τοις πατρικοῖς θεσμοῖς), то император имеет соперника (ἑφῆδρον), которого он поставит правителем Македонии, Херсонеса и всей Фракии, а затем — Азии и всего остального Востока»⁶⁸. Любопытен ответ султана, переданный послам через визиря Баязида: «Нехорошо и противоречит предписаниям пророка то, что дети мусульман воспитываются и обучаются у гяуров (παρὰ καβουρίδων). . . Но если император хочет, пусть имеет нашу любовь и пусть остается в соответствии с прежними договорами (κατὰ τὰς πρώτας συνθήκας) другом и отцом (φίλος καὶ πατήρ) этих сирот, за исключением того, что касается опекуна. . . Но в отношении требования иметь и воспитывать детей невозможно согласиться; отдать же их еще более невозможно»⁶⁹.

С воцарением Мурада II в отношениях между византийским императором и турецким султаном наступила глубокая перемена. Восстановив Османскую империю, новый султан вернулся к агрессивной политике Баязида. Осадой и штурмом Константинополя в 1422 г. начался последний период агонии Византийской империи⁷⁰. Характерно, что от сношений Византии с султанатом почти не сохранилось документов официального характера. Сведения об этих отношениях мы черпаем у историков и хронистов. Думается, что это не случайно. При том правоотношении, которое существовало между византийским императором и турецким султаном (законный государь и его «майордом», πατήρ καὶ υἱός), связи между ними не могли регламентироваться при помощи таких строго оформленных договорных актов, как, скажем, знаменитые договоры Византии с Венецианской республикой. Отношения между ними, по-видимому, регулировались скорее обычным, чем договорным, правом. Тем не менее даже по сообщениям хронистов и историков можно судить о качественном изменении в отношениях между императором и султаном с воцарением Мурада II. Речь при этом идет о заключенном 22 февраля 1424 г. византийскими послами Лукой Нотарой, Мануилом Мелохриносом и Георгием Сфрандзи мирном договоре (ἑκχωρητικὸν ἀγάπης, ἔρκου, συνθήκαι, εἰρήνη, σπονδαί, pax et concordium) с султаном, поставившем Византию снова в зависимое от турок положение и возложившем на греков, помимо территориальных уступок, уже упомянутую выше ежегодную дань в 300 тыс. аспров⁷¹. Со стороны византийского правительства этот договор по существу означал признание турецкого султана в качестве суверена. Само правоотношение πατήρ—υἱός претерпело любопытную эволюцию. Приводим текст сравнительно недавно обнаруженного письма императора Иоанна VIII

⁶⁷ *Ducas*, XXIII, 4; *F. Dölger*. Regesten, n. 3388.

⁶⁸ *Ducas*, loc. cit.

⁶⁹ *Ibidem*.

⁷⁰ *G. Ostrogorsky*. Geschichte des byzantinischen Staates, S. 482; *A. A. Vasiliev*. History of the Byzantine Empire. Madison, 1952, p. 640.

⁷¹ *Georgios Sphrantzes*, p. 16, XII, 4; p. 256, I, 31; *Ducas*, XXIX, 1; *Laonici Chalcocondylae* Historiarum Demonstrationes, ed. E. Darkò, II. București, 1923, V, 17, 15; *Historia politica et partiarchica Constantinopoleos*. Epirotica. Rec. J. Bekkerus. Bonnae, 1849, 6, 1; *N. Jorga*. Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. — «Revue de l'Orient Latin», 5 (1897), p. 160—162; *F. Dölger*. Regesten, n. 3412, 3413, 3414.

Палеолога от 1432 или 1447 г., адресованного визирю Мурада II Саруджабею: «Императорское (послание) храбрейшему, мудрейшему, возлюбленному и лучшему другу моей царственности Саруджабею. Храбрейший, мудрейший, возлюбленный и лучший друг моей царственности Саруджабей! Прошло немало времени с тех пор, как мы ничего не слышали о моем брате, прославленном великом эмире, как с божьей помощью обстоит дело с его здоровьем. Поэтому мы послали господина Мануила Стахитциса, чтобы он об этом узнал, а также чтобы приветствовал Вас. Мы поручили ему также некоторые дела, которые он должен с Вами обсудить, как Вы от него узнаете подробнее, и мы просим Вас, чтобы они были улажены. — В апреле, 10 индикта»⁷². Таким образом, Иоанн VIII называет уже турецкого визиря своим другом (*φιλε τῆς βασιλείας μου*), а самого султана — своим братом (*τὸν ἀδελφόν μου*). О все усиливавшемся крушении духовной супрематии византийского императора свидетельствует и тот факт, что для узаконения воцарения нового византийского императора Константина XI (1449—1453) потребовалась санкция султана: 6 декабря 1448 г. к Мураду II отправился Георгий Сфрандзи с просьбой о признании (*ὡς ἐπίσταται τοῦτο κάκεινος δὴ ὁ ἀμηνῶς*) Константина в качестве императора⁷³. И тем не менее идея империи, идея вселенского императора до самого последнего часа жила в сознании византийцев. Она звучит в бесконечных призывах Константина XI к Западу⁷⁴, в попытках организовать оборону собственными силами. Лебединой песней этой идеи является преисполненный трагизма ответ Константина Палеолога Мухаммеду II на его ультиматум в мае 1453 г.: император готов жить с султаном в мире и оставить ему захваченные города и земли. Город уплатит любую требуемую султаном дань, насколько это будет в его силах; только сам город не может передать император: лучше умереть⁷⁵.

⁷² Это небольшое письмо Иоанна VIII, обнаруженное в архиве Toprany Серай, было издано трижды. Из соображений труднодоступности для византистов первого турецкого издания (Tahsin Öz. Bizans İmparatoru'nun bir namesi. — Belleten, XV, N 58. Ankara, 1951, 219—222) оно было почти одновременно и независимо опубликовано с одной стороны Ф. Бабингером и Ф. Дэльгером (*F. Babinger — F. Dölger. Ein Auslandsbrief des Kaisers Johannes VIII. vom Jahre 1447. — BZ, 45, 1952, Hf. 1, S. 20—28 = F. Dölger. Byzantinische Diplomatie. Ettal, 1956, S. 292—301*), с другой — П. Виттеком (*P. Wittek. Ein Brief des Kaisers Johannes VIII. an den osmanischen Wesir Sarıgâ Pasha vom Jahre 1432. — Byz., XXI, 1951, S. 323—331*), причем, как мы видим, с разными датировками (на основании водяного знака бумаги «три горы», указанного у *C. M. Briquet. Les Filigranes*, III. Paris, 1907 — под номерами 11652 — для времени 1434—1439 гг. в Генуе, Флоренции и Палермо, и 11662 — для 1432 г. во Флоренции). Обратив внимание на дрожащие, стертые движения подписи императора, Бабингер и Дэльгер считают, что так мог подписаться только тяжелобольной человек. Сравнивая это с сообщением Дуки, который в 1448 г. писал о болезни и упадке духа императора, и принимая во внимание, что 10 индикт в правление Иоанна VIII приходится на 1432 и 1447 гг., Бабингер и Дэльгер предпочитают дату 1447 г. Издавая письмо, они еще не знали о датировке Виттека, но и в «Регестах» Ф. Дэльгер повторил свою датировку (Regesten, n. 3513). Однако П. Виттек также настаивает на своей датировке. «Pour la date, je reste adamant», — писал он в редакцию «Byzantion» (XXI, 1951, Fasc. 2, p. 332) по поводу совпадения двух изданий этого письма. Наконец, Икономидис также высказался за 1432 г.: *N. A. Oikonomides. On the Date of John VIII's Letter to Saridja beg (April 1432). — Byz., XXXIV, 1964, p. 104—109.*

⁷³ *Georgios Sphrantzes*, p. 72, XXIX, 3; p. 348, III, 1; ср. *F. Dölger. Regesten*, n. 3519.

⁷⁴ О воззваниях Константина Палеолога к Генуе, Венгрии, Альфонсу V Арагонскому и Фридриху III см.: *R. Guilland. Αἱ πρὸς τὴν Δύσιν ἐκπέμψαι Κωνσταντίνου ΙΑ' τοῦ Δραγάτος πρὸς σωτηρίαν τῆς Κωνσταντινουπόλεως*. — БВБЗ, XXII, 1952, с. 60—74; к папе и Венеции: *R. Guilland. Les appels de Constantin XI Paléologue à Rome et à Venise pour sauver Constantinople (1452—1453)*. — BS, XIV, 1953, p. 226—245.

⁷⁵ *Ducas*, XXIX, 1; *Critobul din Imbros. Din domnia lui Mahomed al II-lea (1451—1467)*, ed. V. Grecu. București, 1963, I, 26, 2; *F. Dölger. Regesten*, n. 3554; ср. *F. Babinger. Op. cit.*, S. 97.